

А. Махонинова

Рецензия на немецкое издание избранных произведений Вс. Некрасова. Мюнстер, 2017

В статье рецензируется немецкое издание избранных произведений русского поэта, представителя лианозовской школы, концептуалиста Всеволода Некрасова (1934–2009) «Ich lebe ich sehe / Живу и вижу», переведенных на немецкий язык Гюнтером Хиртом (Георгом Витте) и Сашей Вондерс (Сабиной Хэнсген). Предложены размышления над стратегиями, при помощи которых можно передать русскую современную поэзию иноязычному читателю. Вспоминая скептические слова самого Некрасова о поэтическом переводе как «поэзии понаслышке» («О польской поэзии», 1976), автор статьи пытается понять, как переводчикам удалось минимизировать обязательную дистанцию между оригиналом и переводом. В качестве основной стратегии рассматривается попытка найти «похожее в непохожем», т.е. то, что может быть в переводной поэзии близко и понятно иностранному читателю. В данном случае речь идет о том, что поэты лианозовской школы разрабатывали свой вариант конкретизма самостоятельно и параллельно с западноевропейскими конкретистами. Отмечается существенная роль контекста для восприятия переводной поэзии в целом и для ситуативных и контекстуальных стихов Некрасова в частности. Контекст некрасовской поэзии немецкие переводчики воссоздают не только в подробном послесловии, но и с помощью организации всей книги, посредством распределения текстов в отдельные тематические блоки. Именно такой комплексный подход является верным способом донести переводную поэзию до читателя.

Ключевые слова: Всеволод Некрасов, перевод, конкретизм, Ойген Гомрингер, контекстуализм.

The article reviews the German edition of selected works of the Russian poet, the representative of the Lianozovo school and conceptualism Vsevolod Nekrasov (1934–2009) “Ich lebe ich sehe / Zhivu i vizhu”, edited and translated into German by Günter Hirt (Georg Witte) and Sasha Wonders (Sabina Hansgen). The review is not a critique of the translation, but a reflection on the strategies by which contemporary Russian poetry can be translated to a foreign reader. Referring to Nekrasov’s own statements about the poetic translation in his article “O polskoi poezii” (About Polish poetry, 1976), where the translation is characterized as “poetry by hearsay”, the author of the review tries to find out how translators managed to disprove poet’s scepticism and minimize the unavoidable distance between the original and translation. One of the main strategies is an effort to find “similar in unlike”, i.e. what in translated poetry can be familiar and comprehensible to the foreign reader. In this case, it is concretism in its specific version, elaborated by the authors of the Lianozovo school independently and in parallel with authors of the European concrete movement. In the review is also mentioned a significant role of context in perception of translated poetry in general and in Nekrasov’s situational and contextual poetry in particular. The editors and translators recreate context of Nekrasov’s poetry not only in their detailed afterword, but also through the composition of the whole book, by distributing texts in separate thematic blocks. Such a comprehensive approach seems to be the right way, how to present translated poetry to the reader.

Keywords: Vsevolod Nekrasov, translation, concretism, Eugen Gomringer, contextualism.

DOI 10.20339/PhS.4-18.114

В прошлом году издательство Хельмута Ланга выпустило долгожданное немецко-русское избранное стихов (и не только) Всеволода Некрасова «Ich lebe ich sehe / Живу и вижу», подготовленное и переведенное на немецкий язык Георгом Витте и Сабиной Хэнсген, выступающими здесь, как и в случае своих предыдущих переводов, под псевдонимами Гюнтер Хирт и Саша Вондерс.

Настоящая рецензия не является критикой перевода, это скорее попытка русиста и переводчика поэзии Всеволода Некрасова на чешский язык осмыслить, листая немецкое издание, каким способом донести до иностранного читателя русскую поэзию. Насколько это вообще возможно, с какими потерями. Тем более что речь идет о поэзии современной, которая в значительной мере

кажется герметичной и труднодоступной даже для самих носителей языка оригинала¹. Тем более что разговор о переводной поэзии и возможностях ее существования проблематизирует уже сам переводимый автор.

Отвечая в 1976 г. на вопрос о своем отношении к польской поэзии, Всеволод Некрасов написал целую статью², которая оказалась посвящена не столько теме, заявленной в заголовке, сколько поэтическому переводу как таковому. Отношение у поэта к этому виду деятельности, как и к ее результату, довольно настороженное. Он упрекает поэтический перевод в отлынивании «от живого (в иной раз и рискованного) поэтического дела» [5. С. 246], в неизбежном тяготении к компромиссу, который поэзии противоречит, противоположен: «Общее правило: перевод в принципе не может не признавать компромисс лучшим с хорошим. А поэзия именно в принципе — признавать такой компромисс никак не может и не должна. А когда поэзия его допускает, тут ей конец» [5. С. 251]. Таким образом, переводная поэзия, по мнению Некрасова, дает читателю лишь общее, достаточно отдаленное и в целом смутное представление об оригинале. И в этой связи Некрасов поэтический перевод определяет несколько принижающим словосочетанием — «поэзия понаслышке» — и предупреждает: «Всем нам приходится обходиться сведениями понаслышке. Важно не забывать, что они — понаслышке» [5. С. 252]. Из вышесказанного вытекает, что перевод для Некрасова является прежде всего осознанной необходимостью, с которой читателю, не знающему иностранных языки в такой степени, чтобы на них читать поэзию, приходится мириться: «Переводу необходима, думаю, некоторая фора, известные привилегии, читатель должен быть непременно в добром расположении, должен согласиться на предварительные условия, пойти с готовностью навстречу намерениям переводчика» [5. С. 251].

Когда Некрасов писал статью «О польской поэзии», стихи его самого уже были переведены на чешский и немецкий языки³, и поэт, несмотря на свои резкие суждения о поэтическом переводе, своим переводчикам за их работу, как минимум на личном уровне, вполне признателен. Двадцать лет спустя, в заключительном комментарии к републикации данной статьи в книге «Пакет», Некрасов приводит уже длинный список переводчиков, которым выражает свою благодарность [5. С. 256], и среди них встречаются и имена авторов обсуждаемого издания — Сабина Хэнстен и Георг Витте.

Оба слависта познакомились с автором в 1983 г. [4. С. 66; 8. Р. 331], и уже годом позже они опубликовали подборку его стихов в своем переводе на немецкий язык в антологии новой московской поэзии и акционизма «Культурпаласт» [7]. За этим коллективным сборником последовал ряд прежде всего журнальных публикаций стихов Некрасова в переводе⁴, и все они как будто являлись подготовкой к итоговой книге, названием которой стала знаковая некрасовская строка — «Живу

и вижу».

¹ Подробнее об отношении российских студентов к современной поэзии см. исследование, заказанное редакцией журнала «Новое литературное обозрение» у Всероссийского центра изучения общественного мнения [2].

Герметичность современной поэзии констатируется также, например, в начале интервью Варвары Бабицкой с поэтом, переводчиком и критиком Григорием Дашевским: «Одной из самых темных областей литературы, вызывающей наибольшее количество предубеждений или просто непонятной человеку без специальной подготовки, можно назвать современную поэзию» [1].

² Статья «О польской поэзии» впервые публиковалась в петербургском самиздатском журнале «Грааль» (1982. № 10. С. 111–120).

³ В самом начале статьи Некрасов оговаривается: «...боюсь как-то задеть людей, которым крепко обязан: Антонина Броусека, переведившего меня на чешский, и Лизл Уйвари — на немецкий. Но, надеюсь, они — и, разумеется, надеюсь, что не только они — поймут, о чем речь» [5. С. 246]. Подробнее о переводах поэзии Некрасова на чешский язык см.: [3].

⁴ Список немецкоязычных изданий стихов Некрасова см.: [8. Р. 350–351].

Nekrassow W. Ich lebe ich sehe. Gedichte / Ausgewählt, aus dem Russischen übertragen und mit einem Nachwort versehen von G. Hirt und S. Wonders. Vorwort von E. Gomringer. Münster, 2017

ISBN 978-3-931325-45-9

и вижу». Эта объемная подборка, состоявшая из более чем ста стихотворений, по признанию составителей-переводчиков, возникала в процессе перевода на протяжении нескольких десятков лет — формировался состав, шлифовались ранее публиковавшиеся переводы. Каким в итоге получился «немецкий» Некрасов? Разве это действительно лишь «Некрасов понаслышке»? Или авторам все-таки удалось опровергнуть скептицизм поэта относительно поэтического перевода и минимизировать обязательную дистанцию между оригиналом и переводом? Какие стратегии они используют для того, чтобы представление о поэзии Некрасова, ее образ у немецкоязычного читателя были как можно более адекватными и полными?

Ответ на некоторые из этих вопросов частично можно найти еще у самого Некрасова, говорящего о насущной необходимости разного рода неформальных контактов, живых соприкосновений со стихом, с речью оригинала. И таких контактов у обеих авторов было с Некрасовым, с его стихом и речью, при жизни поэта, достаточно — начиная с их первых встреч, о которых Некрасов вспоминает: «Я не знаю немецкого языка, к сожалению, — но в том-то и дело: тут как раз тот случай, когда вроде бы и язык знать не обязательно. Оказалось, что как я старался пройти свою часть русского языка до какой-то границы <...> так и они [Хэнсен и Витте. — *Примеч. А. М.*] старались со своей немецкой стороны проделать тот же путь. И когда я увидел их стихи, мне показалось, что по-немецки я понимаю» [5. С. 252]. Наверное, то же чувство — чувство узнаваемости, схожести, соприкосновения — при первом знакомстве с поэзией Всеволода Некрасова испытали и Георг Витте с Сабиной Хэнсен, и отнюдь не только благодаря их отличному знанию русского языка. «В своей переводческой работе мы не были одержимы идеей найти что-то совсем “другое” в советском неофициальном искусстве. Нам, скорее, хотелось найти то, что я называю “похожим в непохожем”» [6. С. 323]. И кажется, что именно эти слова стали руководствующей стратегией всей книги, с помощью которой поэзия Некрасова преподносится немецкоязычной публике. Только начав от близкого, можно постепенно, выявляя отличия, переходить к более далекому и, как говорит Некрасов, «<...> заодно уж сотворить весь контекст, все, что за словами — иной язык, иную историю» [5. С. 256]. Но пока, на начальном этапе, кажется целесообразным оставаться в рамках своей, знакомой истории. Именно поэтому так важен упор, который составители-переводчики делают на конкретность стиха Некрасова, на его поразительную близость послевоенной западной конкретной поэзии. Это ни в коем случае не попытка обвинить Некрасова и весь круг лианозовских авторов конца 50-х — начала 60-х годов в эпигонстве, в подражании Западу⁵. Наоборот, это искреннее удивление параллельному существованию тех же явлений, несмотря на непроницаемый железный занавес. И в этой связи более чем уместно, что Некрасова немецкоязычному читателю представляет классик конкретизма, его «отец», швейцарский поэт Ойген Гомрингер.

Написанное Ойген Гомрингером предисловие «“Живу и вижу” — лирика мира по-русски» — это не только, как могло бы показаться, хороший маркетинговый ход, с помощью которого читателю легче «продать» почти неизвестного ему русского поэта⁶. Это прежде всего интереснейшее и оригинальное введение в поэзию Некрасова: Гомрингер одновременно является читателем посвященным (в конкретную поэзию с ее попытками очистить речь, вернуться к истокам первоначальных значений слов, открыть новые возможности тоталитарными идеологиями искащенной речи) и читателем со стороны (ведь и он сам с творчеством Некрасова познакомился исключительно благодаря Витте с Хэнсен и их переводам).

Гомрингер, не нагруженный багажом ни истории русской неофициальной поэзии, ни биографии самого автора, читает стихи Некрасова в переводе на немецкий язык непредвзято, как стихи своего давнего соратника, и констатирует: «Ведь тот, кто, всегда придерживаясь своего строгого метода и логики, распоряжается словарным запасом, однажды, в конце концов, нечаянно обнаружит себя в

⁵ В послесловии авторы бегло касаются истории знакомства Некрасова и его круга с австрийскими и немецкими конкретистами [8. Р. 338].

⁶ О том, сколько уже было у немецкоязычного читателя возможностей познакомиться с творчеством Всеволода Некрасова, свидетельствует библиография немецкоязычных изданий, которая приводится в конце книги.

родственном ему кругу конкретной поэзии» [8. Р. 12]. И создается впечатление, что намного больше, чем русский вариант конкретизма, как будто вполне логически родившийся почти одновременно с западным, Гомрингера поражает и завораживает своеобразная «русскость» поэзии Некрасова, которая им на первый план выводит уже в названии предисловия («лирика мира по-русски») и которая, по словам Гомрингера, «...дарит возможность проникнуться, почувствовать запахи, а при тонком настрое и услышать русский ландшафт, во всей его полноте, от волжских просторов до оживленных городских улиц, от самого дальнего к тому, что вблизи, и от самого близкого к дальнему» [8. Р. 11]. Эти несколько неожиданные, но весьма точные наблюдения швейцарского поэта (как, например, и его мимолетное замечание о том, что стихи Некрасова могут стать прекрасным спутником во время путешествий) как раз готовят немецкоязычного читателя к переходу, к его дальнейшему, уже самостоятельному чтению стихов Некрасова, пересекающих любые границы, в том числе и государственные.

В самом начале своего предисловия Гомрингер характеризует Некрасова как автора, чье творчество «может помочь перебросить мостики и найти дорогу обратно» [Ibid. Р. 10] — обратно в настоящую поэзию. Соответственно можно сказать, что и сам Гомрингер немецкоязычному читателю помогает перебросить воображаемый мостик, по которому тот сможет спокойно пройти от знакомого ему и вполне доступного конкретизма к своеобразному и не только конкретистскому творчеству Некрасова. Оно расположено на следующих почти трехстах страницах книги, приятной даже на ощупь — русский оригинал налево, немецкий перевод направо. Избранное включает, помимо стихотворений, подборку экспериментальных визуальных листов и три небольших статьи (две из них только в виде отрывков) — в этом случае немецкий перевод полностью предшествует оригиналу. Читателю таким образом предоставляется возможность погрузиться в творчество Некрасова с уверенностью, что перед ним находится близкий ему автор, который, однако, способен увести его в далекие, еще не познанные и несомненно интересные края. И немаловажным в самом начале этого пути является сказанное Гомрингером авторитетное слово о том, что «<...> читатель немецкого сборника Некрасова может <...> довериться искусству перевода...» [Ibid. Р. 11]. Ведь ему доверился и автор предисловия, сумевший увидеть в переведенном Некрасове реформатора, обретшего поэтический язык своей эпохи, автора, живущего в настоящем [Ibid. Р. 12].

Помимо Гомрингера в роли проводников немецкоязычного читателя на всем его пути по творчеству Некрасова, естественно, выступают сами составители-переводчики. Однако они не слишком торопятся заявлять о своем присутствии. Они дают читателю возможность побить с поэзией Некрасова наедине. Они лишь слегка ему помогают и направляют его, разбивая книгу на отдельные разделы, как будто предоставляя ему возможность сделать время от времени короткую передышку и сориентироваться в мощном потоке стихотворной речи. Только в конце они подробно разъясняют заинтересованному читателю принципы составления книги и дополняют весь необходимый контекст. Но пока, если читатель не будет опережать последовательность страниц, перед ним семь поэтических разделов: *Лианозово, Между летом и зимой, Сокольники — и дальше, Ленинградские стихи, Живу и вижу, Свобода есть свобода, Листы*. Хотя на данном этапе читатель скорее всего не улавливает все коннотации, содержащиеся в этих иногда даже экзотических заголовках. В процессе чтения у него постепенно вырисовывается богатая картина некрасовского пейзажа — именно пейзажа, так как всё немецкое избранное удивительным образом акцентирует включенность поэзии Некрасова в пространство не только языка/речи, но и окружающего мира — город, природу с чередующимися временами года, с изменчивыми погодными условиями.

За исключением «Ленинградских стихов», отдельные разделы книги не соответствуют никаким готовым авторским циклам или сборникам. Как признаются составители-переводчики, эта концепция главным образом отражает их собственное прочтение и понимание поэзии Некрасова. Это прочтение должно одновременно служить и как можно более надежным ориентиром для несведущего немецкоязычного читателя. Только частично оно следует хронологическому принципу и биографии автора (это касается прежде всего первых трех разделов), в основном оно организовано тематически.

Тем не менее оба принципа в книге постоянно перекликаются, и некоторые стихотворения, кажется, могли бы находиться и в других разделах. Например, стихотворение, зеркально расположенное на страницах 64–65 и посвященное Эрику Булатову, последняя строка которого содержит слова, вошедшие в заголовок книги — «живу и вижу». Несмотря на это, оно не включено в одноименный раздел, а в раздел *Между летом и зимой*. И действительно, ведь оно рассказывает и о надвигающейся грозе, и огромность приближающейся тучи чувствуется даже в переводе, в полноте и округлости его звучания:

ich kann sie schon fühlen

Reisenwolke

und obwohl

ich nicht will

und nicht suche

ich lebe ich sehe

Главная цель такого распределения стихов Некрасова — не создать неподвижные блоки текстов, а обозначить некоторые важнейшие акценты в его поэзии: лианозовский период с первыми «конкретистскими» опытами; «детские» стихи; стихи о природе; стихи о разных городах (не только России); стихи-записки из путешествий; стихи о жизни в языке и посредством языка; стихи, разоблачающие повсеместно идеологизированную речь, язык, превратившийся в набор пустых клише; визуальные стихи, подчеркивающие пространственность речи — не только звучащей, но и письменной.

В этой тщательно продуманной концепции чувствуется подход не столько переводчиков, старающихся как можно точнее воспроизвести на немецком языке отдельные стихи русского поэта, сколько подход филологов, осознающих ключевое значение контекста для восприятия любого переводного текста — и тем более, когда речь идет о поэзии Некрасова, предлагавшего для русского концептуализма другое название — «контекстуализм». Например, в статье «Фикция как искусство (но не искусство как фикция), или Как дело было с концептуализмом» [5. С. 317].

Хэнсен с Витте последовательно и подробно дорисовывают контекст некрасовской поэзии, присоединяя к ней небольшие теоретические тексты Некрасова, в которых на этот раз уже сам поэт разъясняет историю своих непростых отношений с конкретизмом. И кажется, что в некрасовском рассуждении о двух стихотворениях австрийского и швейцарского конкретистов немецкоязычный читатель как будто возвращается обратно к началу книги, к близкому, именно к тому, кто его вводил в поэзию Некрасова — мостик переброшен, и можно с уверенностью сказать, что диалог, не только между двумя мэтрами, Гомрингером и Некрасовым, состоялся.

Вопрос, почему в «прозаический» раздел не включены и другие статьи Некрасова [например, «Концепт как авангард авангарда» или «Фикция как искусство (но не искусство как фикция), или Как дело было с концептуализмом»], в этой связи сразу отпадает, так как при первом знакомстве немецкоязычного читателя с творчеством Некрасова они бы скорее уводили его в сторону, с дороги, старательно протаптываемой составителями-переводчиками, весьма обоснованно решившими сосредоточить разговор вокруг конкретизма — темы, общей для всех участников. Только чуть позже, уже в своем послесловии, они позволяют себе свернуть с этого прямого пути, подробно разъясняя специфику творчества Некрасова.

В воссоздании некрасовского контекста их послесловие — «Поэтические записки Всеволода Некрасова» — играет важнейшую роль. Авторам в нем удается передать именно те, по мнению Некрасова, столь необходимые неформальные контакты: они уже в первых предложениях словно распахивают читателю дверь в некрасовскую квартиру в Сокольниках, стены которой увешаны картинами его друзей, неофициальных художников. И несколько жаль, что в книге не могло быть репродукций, что читатель не может увидеть эту визуальную среду, в которой не только писались собственные тексты Некрасова, как отмечается в послесловии [Ibid. P. 331], но которой его тексты в меньшей мере сами питались.

Свою личную историю знакомства с Некрасовым и его близкими, поэтами и художниками, лианозовцами и концептуалистами, авторы послесловия чутко совмещают с увлекательным и написанным с позиций компетентных свидетелей рассказом об эпохе, в которой существовало неофициальное искусство, и точным анализом поэзии Некрасова. Послесловие сопровождается заметкой о принципах формирования книги и переводческом подходе, предполагающем внимание к речевому характеру поэзии Некрасова, естественности интонации его поэтической речи, и поиск соответствий этой интонации в немецком языке.

Все эти сопроводительные тексты, включая избранную библиографию поэта, — ни в коем случае не проявление сомнений по поводу функционирования самых поэтических текстов в переводе, которые нуждались бы в стольких дополнительных толкованиях и оговорках, это заманчивое предложение читателю пройти с составителями-переводчиками весь длинный путь от первого знакомства с Некрасовым, с его стихами, до настоящей книги. И хотя, как сказал испанский философ Ортега-и-Гассет, перевод не само оригинальное произведение, а только путь к нему — путь к Некрасову, который предлагают Сабина Хэнсен и Георг Витте, более чем увлекателен и полон неожиданных открытий. Создается впечатление, будто составителям-переводчикам захотелось поделиться со своим читателем не только поэзией любимого поэта, но и всем, что было вокруг нее — всей ситуацией; говоря словами самого Некрасова — «обернуть текст ситуацией» («Фикция как искусство...» [5. P. 309]). Именно такой комплексный подход мне кажется самым верным способом донести переводную поэзию до читателя, противостоять принижающему определению перевода как «поэзии понаслышке». Некрасов в переводах Сабины Хэнсен и Георга Витте — это Некрасов из первых рук. Может быть, его стихи изначально в иностранных читателях действительно резонируют, поскольку те находят в них что-то близкое, узнаваемое. Как сказал Некрасов в «Объяснительной записке», полностью опубликованной и в немецком издании: «Все равно настоящий дом речи, дом стихов внутри нас: там они живут, они знают как» [8. P. 296].

Литература

1. Бабицкая В. Григорий Дашевский: как читать современную поэзию // OpenSpace.ru. 2012. 10 февр. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/34232> (актуализация: 14.04.2018).
2. Королева С., Левинсон А. Опыт литературного маркетинга (проект «Стихи — народу»): Краткий отчет и предварительные соображения // Новое лит. обозрение. 2003. № 62. С. 412–426.
3. Махонинова А. «Всеволод Некрасов и его круг»: чешские публикации шестидесятих годов о лианозовской группе // Toronto Slavic Quarterly. 2017. No. 61. P. 172–192.
4. Некрасов В.Н. Дойче бух. М.: Век XX и мир, 1998.
5. Некрасов В.Н., Журавлева А.И. Пакет. М., 1996.
6. Хэнсен С. Перевод как прием неподцензурности: На примере Всеволода Некрасова // Toronto Slavic Quarterly. 2017. No. 61.
7. Kulturpalast: Neue Moskauer Poesie und Aktionskunst / Hg. Von G. Hirt, S. Wonders (i.e. G. Witte, S. Hänsgen). Wuppertal: S-press, 1984.
8. Nekrassow W. Ich lebe ich sehe. Gedichte / Ausgewählt, aus dem Russischen übertragen und mit einem Nachwort versehen von G. Hirt und S. Wonders. Vorwort von E. Gomringer, Münster: Verlag Peter Lang, 2017.

References

1. Babitskaja V. Grigorii Dashevskii: kak chitat' sovremennuiu poeziiu // OpenSpace.ru. 2012. 10 fevr. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/34232> (aktualizatsiia: 14.04.2018).
2. Koroleva S., Levinson A. Opyt literaturnogo marketinga (proekt "Stihi — narodu"): Kratkii otchet i predvaritel'nye soobrazheniia // Novoe lit. obozrenie. 2003. No. 62. S. 412–426.
3. Machoninova A. "Vsevolod Nekrasov i ego krug": cheshskie publikatsii shestidesiatykh godov o lianozovskoi gruppe // Toronto Slavic Quarterly. 2017. No. 61. P. 172–192.
4. Nekrasov V.N. Deutsche Buch. Moscow: Vek XX i mir, 1998.
5. Nekrasov V.N., Zhuravleva A.I. Paket. Moscow, 1996.
6. Hänsgen S. Perevod kak priem nepodtsenzurnosti: Na primere Vsevoloda Nekrasova // Toronto Slavic Quarterly. 2017. No. 61.
7. Kulturpalast: Neue Moskauer Poesie und Aktionskunst / Hg. Von G. Hirt, S. Wonders (i.e. G. Witte, S. Hänsgen). Wuppertal: S-press, 1984.
8. Nekrassow W. Ich lebe ich sehe. Gedichte / Ausgewählt, aus dem Russischen übertragen und mit einem Nachwort versehen von G. Hirt und S. Wonders. Vorwort von E. Gomringer. Münster: Verlag Peter Lang, 2017.

Махонинова Алена,

PhD (сравнительное литературоведение, Карлов университет),
исследователь русской и чешской литературы XX века, переводчик

Machoninova Alena,

PhD (Charles University, comparative studies),
a translator of Russian literature and a scholar in the field of Russian and
Czech literatures (XX cent.)

e-mail: machonina@mail.ru

